

ПОСЛЕ мартовских событий прошло, почтит, два месяца. Разоблачительные и поучительные статьи стали появляться реже. «Новая волна», как говорится, «зализывала раны», встречаясь, обменивались новостями — у кого рассыпали набор книги, закрыли фильм, пьесу изъяли из репертуара, не допустили на выставку. И все-таки все продолжали остроить, веселиться на последние гроши, петь песенки Окуджавы, никто не бросил писать, а некоторые даже пытались пробовать новые пьесы и сценарии.

В это время, помнится, Тарковский все пробивал свои «Страсти по Андрею». Три года ушло на сценарий (не на написание, а на пробование, конечно), два года еще потом убеждал начальство, что это не антисоветчина, вырезал куски, перемонтировал, переозвучивал, вливал какие-то неорганические тексты, пока не разрешили. Итого восемь лет. Феллини за это время снял четыре фильма, ну, а Антониони добрый десяток. Очень харак-

немецкий научный гений. Император купался в Царскосельском пруду, облаченный в полосатый купальный костюм, такому же безобразию предавалась свита, двор и генералы. Мужик, похожий на неандертальского человека, пахал корявой сохой свою глупую землю, ходил в лаптях и тупо голодал. Аристократия жрала, это было основное дело русской аристократии — как следует пожрать. Гуси, осетры, зливные поросыта. Бездарные генералы проигрывали войны и тоже жрали. Рабочие-ткачи, эти уже были похожи на кроманьонцев, подвергались безжалостной эксплуатации. Русские купчины жрали ложками икру, хлестали шампанское и били зеркала в бардаках.

И вот забрезжил над ублюдочной страной рейнский гений. На экране появляется косматое облако нового пророка, внутри лица Карла Маркса, рядом первый помощник Фриц Энгельс. Процесс сочинения основополагающего труда. Сочинен! Дас капитал, дас капитал, дас капитал!

И вот начинается русское чудо. В невежественной темной стране появляются талантливые ученики научного пророка — Владимир Ильин-Ленин и его ближайший друг и сподвижник Никита Сергеевич Хрущев. Вдохновленные новым учением, они устраивают революцию, прогоняют царя, а потом и вообще всех эксплуататоров, внедряют в голую рус-

Сами не можете снять хорошего кино, приходится немцев награждать.

Никита Сергеевич вышел в просцениум и начал свою очередную импровизационную речь. Надо отдать ему должное — не любил говорить по бумажке, штампованной идеологической абракадаброй. Хоть и тоже вздор все время нес, но все-таки своими словами, все-таки иногда народная фигура в нем преобладала над аппаратчиком. Попробую воспроизвести, хотя бы в малой степени, этот монолог. Кроме свидетельства, так сказать, времени, есть тут и эстетическое удовольствие.

— От всего сердца благодарим наших немецких товарищей за классовую солидарность в киноискусстве, — сказал Хрущев. — Вот у кого надо брать пример многим нашим киноработникам, и прежде всего таким, как Марлен Хуциев с его незрелыми, а то и вредными идеями. Вот сейчас на Западе начали шуметь, что мы задавили нашу творческую интеллигенцию, а ведь это неверно, товарищи. Только заботой о вас самих продиктованы наши партийные призыва. Ведь мы, большевики... — тут Никита Сергеевич задумался, как бы подбирая метафору, и поднял глаза с некоторой мечтательностью, — ведь мы, большевики... мы как... мы как... мы, как чайки, товарищи... да, как чайки! Ведь если к птенцу чайки, скажем, лиса подбирается... — зал застыл в напряжении, — лиса, лиса подбирается к птенцу чайки (откуда лиса в море, неважно, главное опасность)... — тогда, — вскричал Генеральный, — все чайки с шумом поднимаются, поднимают тревогу, отгоняют коварную лису! Так и мы, большевики, поднимаем тревогу, когда империалисты подбираются к нашей художественной интеллигенции!

Ошеломленные гости, кто тайком, кто в открытую, переглядывались. Им, стало быть, предлагалось вообразить себя коллективным птенцом этих многомиллионных чаек.

— Вот мы награждаем сегодня наших дорогих товарищ Ани и Андрея Торнайков за выдающийся вклад в сокровищницу мирового искусства, а как жалко-то, обидно-то, что никого своего нельзя наградить за аналогичное произведение, и опять приходится нападать на эту вашу, товарищ Хуциев, «Заставу Ильича».

Далее происходит почти то же самое, что и на кремлевской встрече 8 марта, то, что в науке именуется «ошибочная идентификация». Заприметив в одном из передних рядов режиссера Георгия Данелию, Хрущев, видимо, благодаря восточной наружности, принимает его за злоказненного Марлена Хуциева и с этого момента обращается только к нему — и пальцем в него тычет, и мимика вся по его адресу, а Данелия только руками разводит — прервать вождя невозможно.

— Вот посмотрели мы первый раз этот фильм вместе с сыном Сережей. Сергей, ты здесь?

— Я здесь, папа! — ответил из глубины зала авиаконструктор Сергей Хрущев.

— Вот я ворчу, то есть просто прихожу в негодование из-за идейной незрелости, а Сергей мне возражает:

— Папа, ты не прав, в жизни есть такая молодежь, как Хуциев изобразил, я сам видел.

И тут я напустился на моего собственного сына:

— Уходи с глаз моих долой, не понимаешь ты хода истории!

Сергей ушел в свою комнату, а утром мне говорит:

— Папа, я всю ночь не спал, думал о твоих словах и теперь понял, что ты был прав, а не я. Конечно, в жизни есть такая молодежь, как Хуциев изобразил, но не она определяет ход истории!

Вновь возникает пауза, в которой гости как бы предлагается вообразить себя в роли младшего Хрущева.

— Никого мы давить и никого отсекать не собираемся, дорогие товарищи, из тех, что идут с нами, с партией, с народом. Партия заботится только о дальнейшем расцвете искусства, достойного нашей великой соалистической эпохи, советского искусства и искусства наших братских стран. Еще раз поаплодируем товарищам Торнайкам.

На этой ноте закончилась четвертая и последняя в зимне-весенном сезоне встреча Хрущева с творческой интеллигенцией. Несмотря на то, что тон был явно примирительный, спланированный и никого в этот раз не выволакивали на судилище, все снова расходились в неловком молчании. Очень многие из собравшихся уже понимали непристойный глум этой, так сказать, патроналии.

Моск. комсомолец. — 1991. — 23 апр.

Василий АКСЕНОВ

ЗИМА ТРЕВОГИ НАШЕЙ,

или КАК МАРКСИСТ НИКИТА УЧИЛ ПИСАТЕЛЕЙ ПАРТИЙНОЙ ПРАВДЕ

терный пример, показывающий, как замечательно наша страна по ленинскомуству использует свои таланты.

Вспоминается сейчас, как иногда в московских спорах всплывало вдруг такое престраннейшее оправдание вождей: ну, что вы от них хотите, они же все из крестьян, настоящие мужики... Мужик, однако, всегда отличался хозяйственностью, собираемостью. Вышывание, коверканье, ломанье для него не характерны. Приходится предположить — или это самые плохие из мужиков, или не мужики вовсе, что вернее.

Итак, взбаламученная лужа начала уже успокаиваться, как вдруг — новый кирпич: опять лёгут по стране правительственные телеграммы с красным окольышком. Новое приглашение на пироги к Никите Сергеевичу, на этот раз не в Кремль, а в Дом приемов.

На самых высоких холмах Москвы напротив территории киностудии «Мосфильм» располагается за огромным забором конгломерат правительственных дворцов, окруженных парком. В народе это называется колхоз «Заветы Ильича». Там, говорят, самый чистый в Москве воздух и вообще, как в песне Геннадия Шпаликова пелось: «Там трава немятая, дышится легко, там конфеты мятные, птичье молоко...». Там, среди дворцов, был и так называемый Дом приемов, где уже в декабре имел место основательный идеологический ужин, и вот... Опять приглашают...

В толпе приглашенных у ворот КП преобладали почему-то кинематографисты, народ более просвещенный, более западный, чем писательская братия. Чем угощать сегодня будут, спрашивали друг у друга. Говорят, что хотят показать нам кино. Какое кино, ребята? Непременно очень хорошее, выдающееся кино.

Кино это называлось «Русское чудо», историческая документальная лента о торжестве марксизма в России, произведение супругов Торнайков. Авторы присутствовали — шустрая гедееровка Анели и крепыш гедееровец Андре. Явилось опять все Политбюро, то есть Президиум или как там тогда это учреждение называлось. Наш Никита Сергеевич был сумрачен. Красавец Леонид Ильин как всегда гордливо поводил плечами. Я подумал: обстановка уже почти семейная.

Забавный штрих. На второй день этой встречи (она тоже проходила в два приема), когда у ворот я стал вытаскивать свой паспорт, чекист сказал, даже не взглянув на него: «Проходите, товарищ Аксенов!» Дескать, не нужна нам ваша паршивая бумажка, и без нее вас достаточно изучили. Смешанные чувства, признаюсь, посетили меня в тот момент.

Итак, фильм начинается, и что же мы видим на экране, ради чего собрано почтеннное собрание? Россия была темной варварской страной, пока не озарил ее

сскую почву великое рейнское учение, и вот, товарищи, плоды! Ну кто бы мог подумать — тупые крестьяне стали отменными пограничниками и физкультурниками, брюхатые бабы превратились в звезды балета, зашумели по необозримой стране щедрые урожаи, горделиво поехали комбайны, прилавки ломятся, валятся одна за другую пылающие штуки проката, поднимаются корпуса комфорtabельных жилищ. Троцкого в нашей истории не было, не было и Сталина, вместо него были отдельные ошибки времен культа личности, но вот ошибки исправлены, и — в космос, в космос, дорогие товарищи! Заря космической эры! Оплодотворенная щедрым гением страна снова впереди человечества!

Мы сидели в последнем ряду с одним режиссером и переглядывались — вот дает ГДР! Значит, не было у нас до марксистской революции ни философской, ни религиозной мысли, не было ни Пушкина, ни Толстого, ни Достоевского, не было храбрых офицеров, замечательных красавиц, не был построен потрясающий Петербург и Великая Транссибирская железная дорога, не строил Сикорский первые в мире многомоторные бомбардировщики, не плавали по морям русские эскадры, не было у нас многопартийной Государственной Думы, юридической системы и независимой журналистики...

Когда на второй день эта бездарная кинотягомотина кончилась, началось театральное представление с Генеральным секретарем в главной роли. Никита Сергеевич сказал, что никогда еще в своей жизни он не видел лучшего фильма. Он благодарит кинематографистов Германской Демократической Республики за высокое художественное произведение, прославляющее марксистско-ленинское учение, великую коммунистическую партию, нашу героическую родину и советский народ. Президиум ЦК КПСС и советское правительство самым высоким образом оценивают труд товарищей Торнайков (произношение фамилии не поддается описанию) и поздравляют их с Указом Президиума Верховного Совета СССР о награждении их (обоих) званиями Героев Социалистического Труда с вручением золотой медали и ордена Ленина. Анели всплеснула руками.

Вручение состоялось тут же, прямо на месте. Брежнев, который тогда занимался именно наградами, вынул откуда-то ордена, приколол их награжденным, где полагается. Груди двух немцев засияли. Затем началось целование.

Все это происходило на глазах не менее чем трех сотен вполне серьезных, взрослых и неглупых людей. Собственно говоря, для этих людей комедия и предназначалась.

— Видишь, какой перед нашим носом помахали колбасой, — сказал мне мой сосед. — Вот, мол, вам урок, дармоеды.